

В наши дни есть немного вещей, о которых говорится больше, мало что становится предметом столь пристального рассмотрения в политической и правовой литературе в нашей стране (Иране), немногие проблемы обсуждаются в таком объеме, как тема свободы.

Для каждого человека тема свободы представляет интерес. Одним из лозунгов Исламской Революции в Иране также была «свобода» - «Независимость, свобода и Исламская Республика». Политические деятели и группы в разных странах много говорят об этом, учитывая аналогичную привлекательность этой темы для них. В нашей собственной стране мы можем наблюдать, как в наши дни и в течение последних трех или четырех лет, этот лозунг неоднократно повторялся, и каждый понимает его по-своему. С тем, чтобы прояснить этот вопрос, нам необходимо немного более определенно и точно исследовать ее различные аспекты.

Обычно «свобода» понимается как нечто противоположное захвату, неволе, скованности. Возможно, во все времена и во всех обществах в большей или меньшей степени присутствовало такое понимание свободы. Для выражения этой концепции в разных языках существует множество разных словесных оборотов, однако значение их примерно одинаково. В любые времена, когда человек слышал это слово («свобода»), первое, что приходило ему на ум – это нечто контрастное по отношению к захвату и неволе. В принципе, мы понимаем ту или иную концепцию с помощью противоположной и противоречащей ей доктрины. Например, когда мы хотим описать свет, мы обращаемся к вопросу о том, что такое тьма. Точно так же, говоря о тьме, мы обсуждаем, что представляет собой свет. Есть известная арабская пословица, гласящая: «Вещи познаются посредством соответствующих им противоположностей».

Во всяком случае, когда мы подвергаем осмыслению противоположности, для того, чтобы упростить и облегчить их понимание, мы обычно представляем себе их в некоем единстве. То же утверждение справедливо по отношению к свободе. Если мы захотим представить себе, что такое свобода, мы визуализируем то, как нас захватывают в плен, и как мы томимся в неволе, и говорим, что свобода означает нахождение не в таких условиях. Например, наше воображение рисует картину птицы в клетке, руки и ноги узника, закованного в кандалы, или представляем себе человека, задержанного и брошенного в тюрьму, и мы утверждаем, что свобода означает не нахождение в этих состояниях и что она несовместима с путами – птица должна быть выпущена из клетки; с рук и ног узника должны быть сняты кандалы, а заключенный должен быть освобожден из тюрьмы с разрешением идти туда, куда ему вздумается, и тогда мы говорим: «Он свободен».

Свобода особенно привлекательна для человека в сравнении со скованностью и

неволей, ибо никто не хочет быть захваченным в плен, брошенным в неволю и быть связанным. Никто не хочет, чтобы его передвижение было ограничено рамками комнаты, откуда ему не разрешали бы выходить. Никто не хочет, чтобы его руки и ноги заковали в цепи так, чтобы он не смог двигать ими. Каждый хочет свободно и добровольно делать то, что он хочет, и вести себя так, как он считает нужным. Не будучи подвергнутым наущениям извне, человек по своей внутренней естественной природе стремится к свободе и независимости, и ненавидит пленение и неволю. Можно даже сказать, что каждое существо, обладающее органами чувств, жаждет свободы действий, а ограничения и запреты противны его природе.

В силу той привлекательности, которую для нас имеет свобода, все говорят о ней и восславляют ее, что привлекает наше внимание, и все, к чему применима категория «свобода», является для нас притягательным и желанным. В настоящее время мы более всего невнимательны по отношению к тому факту, что разве существует только одна трактовка свободы? Или есть разные подходы к ее пониманию? Согласуется ли свобода – в любой ее интерпретации – с природой человека, является ли она желательной? Ограничивается ли свобода только одним ее видом – подобным тому, когда птицу выпускают из клетки? Или же есть разные типы свободы, некоторые из которых не только не приносят пользы, но, напротив, разрушительны и опасны?

Как это постулируется в науке логики, одна из ошибок, являющихся наиболее неконтролируемыми, является ошибочное понимание общего понятия, которое является многозначным словом. Черты и атрибуты одного из значений этого слова ошибочно переносятся на другое его значение. В качестве примера может быть приведено слово «шир»[1]. Мавлави[2] утверждает:

Этот - шир (молоко, или лев) в бадье (чашке, или джунглях)

А еще один – шир в бадье.

Этот – шир, который пожирает человека (или который ест человека)

А еще один шир – пожираемый человеком (то есть который человек пьет).[3]

Слово «шир» может обозначать как молоко, так и льва. «Бадье» также имеет два значения: первое – «пустыня», а второе – «чашка» или «судно».

В этом стихотворении Мавлави не вполне понятно, где речь идет о льве, а где – о молоке.

Точно так же, не до конца ясно, где «бадье» означает пустыню, а где – чашку или емкость.

Или же мы можем обратить внимание на слово «замин». Иногда, когда мы говорим «замин», мы имеем в виду ограниченный, маленький, особый участок земли. Когда мы произносим [выражение] «замин-е кешаварзи» (возделываемая земля), или когда мы

утверждаем: «Такой-то купил такой-то замин», мы подразумеваем ограниченный участок на поверхности земли. Но в других случаях «замин» также означает Землю [в целом, как планету], например, когда мы говорим: «Земля (замин) – это одна из планет солнечной системы» или что «Земля (замин) вращается вокруг Солнца». Когда Земля упоминается [в этом контексте], термин «замин» относится не только к ее поверхности, но также включает в себя атмосферу и космос, равно как и ее глубинные недра. Если мы скажем: «Такой-то купил такой-то замин и также получил право собственности на землю», мы не имеем в виду, что он купил Землю и зарегистрировал ее на свое имя, или если мы утверждаем, что вращение Земли является причиной феномена смены дня и ночи, мы не хотим сказать, что поворот дома или части сада вызывает движение земного шара.

В любом случае, эта проблема касается всех слов, обладающих более, чем одним значением. Когда мы или кто-либо еще употребляем эти слова, мы должны быть осторожными, чтобы не допустить ошибку в трактовке общего понятия.

Понятие свободы также относится к числу многозначных терминов, и в разных науках оно используется в разных значениях. В силу этого существует опасность ошибочного истолкования этого понятия. Сознательно или нет, кто-то, может вынести суждение, апеллируя к одному пониманию свободы там, где должно подразумеваться другое [значение данного понятия], и это даже может привести к разногласиям в среде защитников свободы. Иногда, с одной стороны, кто-то может изложить свое понимание [данной] темы, и с другой стороны, еще кто-то может ответить: «Я имел в виду не то, о чем Вы говорите. То, что подразумеваю я, и то, что я отстаиваю – это нечто совершенно иное». Напротив, его оппонент может оспорить его утверждение и сказать: «Вы приписали мне совсем не то, что я имел в виду. Моя точка зрения – несколько иная».

Если мы проведем обзор ряда статей, книг и исследований, посвященных понятию свободы, в особенности тех работ, которые были написаны в последние годы, мы обнаружим, что никто из ученых и публицистов не дает четкого и простого определения этого понятия. Человек описывает свободу определенным образом и провозглашает себя ее защитником, в то время как другой человек точно так же отстаивает иное понимание свободы и критикует определение этого понятия, данного иным автором. Естественно, что при таких разногласиях и различиях в подходах невозможно прийти к пониманию. Чтобы достигнуть его, мы должны дать такое общее определение, чтобы участники дискуссии пришли к согласию относительно выводов. То есть, как только мы сможем ответить на вопрос – а согласуется ли свобода с Исламом или нет? – тогда наступит момент осознания, что же такое свобода. Учитывая, что это многозначное понятия – поскольку западные авторы в своих работах упоминают более двухсот его определений – и хотя многие из этих дефиниций очень похожи и порой отличаются друг от друга одним или двумя словами, в некоторых случаях эти определения несовместимы друг с другом – так как же мы можем сказать, согласуются они с Исламом или нет?

Точно так же, как и «свобода», понятие «демократия», имеющее западное происхождение, порой трактуется как «популизм», а иногда – как «правление или суверенитет народа». Однако конкретного и точного определения этого понятия также не было дано. Не ясно, является ли демократия формой правления или типом

социального договора. Относится ли это понятие к делам политики и государства, или оно социологическое, или же имеет отношение к вопросам менеджмента? На сей счет существует множество дискуссий.

В любом случае, чтобы не истолковать понятие свободы неверно, нам необходимо ознакомиться с ее различными трактовками.

1. Свобода как экзистенциальная независимость

Одной из интерпретаций свободы является понимание ее как тотальной независимости от влияния или воздействия со стороны другого существа, при этом не предполагается никакой зависимости от него ни в чем. Например, если кто-то начал бы утверждать, что Вселенная существует и развивается сама по себе и не зависит от Бога, и Воля Бога не играет роли в поворотах и революционных скачках (происходящих в отдельных ее сегментах), эта концепция содержит в себе утверждение, что свобода означает избавление Вселенной от любого вида Божественного контроля. В этом случае, будучи одним из обитателей этого мира, человек переносит на себя эту концепцию, и это дает нам возможность говорить о том, что человек провозглашается свободным от любых форм ответственности или обязательств перед любым другим существом, включая Аллаха. Конечно же, относительно независимости Вселенной существует две точки зрения. Некоторые полагают, будто бы Аллаха нет, а потому Вселенная «не может» зависеть от Него и Его Воли.[4] Некоторые другие считают, что Аллах действительно существует и сотворил этот мир, но после создания Вселенной в Аллахе больше нет нужды, и мир независим от Его Воли. В нем сохраняется та система самостоятельной регуляции, которую Бог установил для него, и перевороты и революционные скачки в разных его сферах происходят спонтанно. Согласно их взглядам, сотворение Вселенной подобно постройке дома. Когда строитель (или архитектор) уже построил здание, его дальнейшая судьба уже не зависит от существования строителя (или архитектора). Он фактически обретает независимость от бытия своего создателя. Возможна даже такая ситуация, что строитель (архитектор) умрет, но дом будет стоять на своем месте десятки и сотни лет. В воображении некоторых, мир устроен таким же образом. Бог сотворил его и затем предоставил его самому себе. Приверженцы этих взглядов отрицают вселенское Господство (рубубийят-е таквини) Аллаха,[5] в то время как первые в принципе отвергают Его существование. Обе этих концепции несовместимы с монотеистической позицией Ислама.

2. Свобода как «свобода воли»

Согласно другому пониманию свободы, которое также бытует в теологии, философии, схоластике (или аль-калам) и философской психологии, она означает свободу в противостоянии «предопределению». С незапамятных времен продолжается эта дискуссия между мыслителями и учеными: действительно ли человек свободен в своих поступках и обладает свободой воли, или он только думает, что он свободен [в этом], а в реальности действует по принуждению и лишен какой бы то ни было собственной воли?!

Тема предопределения (джабр) и свободы воли (ихтийар) является предметом древнейших споров, какие только разворачивались в среде разных общин и наций. После прихода Ислама, поскольку с момента его появления мусульмане контактировали с разными народами и культурами, или же в силу тех старых представлений, сохранившихся в их сознании, доисламских и еретических по своему происхождению, эта тема активно обсуждалась и среди мусульман.

Фаталистические тенденции, между тем, набирали вес, и их выразители даже цитировали коранические аяты, доказывая подчиненность человека предопределению. Если говорить об исламских направлениях мысли, то теории предопределения придерживаются аш'ариты (приверженцы аш'аризма), представители суннитской схоластической школы.[6] Конечно, они не вдаются в такие крайности и не столь пристрастны, как некоторые другие [фаталисты].

В любом случае, вопрос звучит так: если говорить о поступках, действительно, обладает ли человек свободой воли и свободен ли он в том, чтобы делать, что захочет? Или же существует лишь то, что побуждает человека совершить определенное действие и даже стать адептом конкретной идеи или мысли – так, что свобода его воли на поверку оказывается всего лишь иллюзией? Защитники концепции предопределения убеждены, что различные социальные, природные и сверхъестественные элементы побуждают нас поступать и даже думать и принимать решения определенным образом. Согласно их воззрениям, в соответствии с примером, приведенным Мавлави, «То, что ты сказал, что я должен сделать, само по себе служит основой свободы воли, о Господин!»

Изреченное – есть не более, чем иллюзия и плод воображения, и не соотносится с реальностью; у человека нет собственной свободной воли, он находится под влиянием разнообразных факторов.

Эта проблема также обсуждалась в философской психологии: обладает ли человек способностью принимать решения с точки зрения теории личности и ментальных структур, или нет? В схоластике и теологии также поднимается этот вопрос: будучи рабами Бога, находятся ли человеческие существа под принуждением, или же они автономны и свободны.

Согласно нашим представлениям, которые разделяют большинство мусульман, такие представления о (личном) мнении и мировоззрении должны быть опровергнуты, хотя в сфере деяний и поступков все люди знают о том, что они обладают свободой и, [в

частности], свободой воли. Если бы только лишь предопределение управляло человеком, не было бы смысла в воспитании и образовании, равно как и в органах политического управления.

Если мы рассмотрим сферу этики и системы образования, то если человек принуждаем к совершению хороших или плохих дел, не имея собственного выбора [в этом], тогда его не следует хвалить и вознаграждать за добродетели. Аналогичным образом, если мы принуждаемы ко всему, человек не должен подвергаться наказанию и выговору за то зло, которое он совершает.

Если бы ребенок находился под принуждением, делая что-либо, не было бы смысла воспитывать его, а образовательные учреждения, контролирующие его, должны были бы быть упразднены. В таком случае и учитель с воспитателем, и ребенок-ученик не свободны в своих действиях, и воспитатель не может наставлять ребенка с тем, чтобы он проявлял в чем-то активность или избегал определенных поступков. Точно так же, в сфере права, политики и экономики законы и рекомендации, которые нам даны, являются крупными очевидностями, свидетельствующими о том, что человек действительно свободен и автономен.

Когда человек свободен совершить определенное действие или воздержаться от него, они предупредят его о том, исполнять его или же уклониться от этого. Если бы человек находился под принуждением, не имея выбора и свободной воли в своих делах, не было бы смысла в предупреждениях или приказах, обращенных к нему.

Эта свобода и свобода воли, в наличие которой мы верим, является творимой (таквини), а не предопределенной (джабр). Она была дарована человеку Богом и находится в числе особенностей человека и критериев его превосходства над всеми созданиями.

Из всех творений, известных нам, лишь человек обладает возможностью принятия решения и выбора, несмотря на разнообразие [всех альтернатив] и, порой, борющихся в нем наклонностей. Отвечая на зов своих желаний – будь они дьявольскими вожделениями или же божественными и возвышенными устремлениями – он полностью свободен и автономен. Вне всякого сомнения, Аллах Всевышний облагодетельствовал этим человека так, что он может по своей воле выбирать, ступить ему Прямой Путь или же на неверную дорогу. Все преимущества, которые человек имеет над другими созданиями, включая ангелов, сопряжены с главной дарованной ему возможностью выбирать и принимать решение. Если бы он извлекал пользу из этой своей силы, применяя ее на Прямом Пути, и делал выбор в пользу Божественно благословляемых устремлений, а не дьявольских желаний, он достиг бы возвышенного положения, когда ангелы начали бы трепетать перед ним. Конечно же, наличие этой свободы у человека сотворено. В наше время практически никто не отрицает этого и не считает себя целиком и полностью находящимся во власти принуждения и не имеющим собственной свободной воли. Коран, естественно, затрагивает эту тему:

«Скажи: «Истина – от вашего Господа. Кто хочет, пусть верует, а кто не хочет, пусть не верует». (Сура «Аль-Кахф», 18:29)

«Воистину, Мы наставили его на путь [истины], будь он благодарным или неблагодарным» (Сура «Аль-Инсан», или «Ад-Дахр», 76:3)

Сотни аятов – нет, можно сказать, что весь Коран проливает свет на автономию [выбора и действий] человека, ибо Коран ниспослан как Руководство для людей. Если бы человек был не волен в своих действиях, руководство им было бы вещью predetermined, и так же бы обстояло дело с тем, если бы он был сбит [с Прямого Пути], и не было бы выбора в том, чтобы внять этому Руководству. Таким образом, нужда в Коране и польза от него пропали бы. Ясно, что второе понимание свободы отличается от первой ее трактовки, о которой мы упомянули. Конечно, довольно просто указать на объективные реалии и говорить о «существовании» и «не-существовании». Но ни то, ни другое понимание свободы не имеет дела с вопросом о том, что является должным, а что – не-должным.

Если бы человек действительно был сотворен для того, чтобы быть скованным [в своих действиях], мы уже не могли бы говорить: «Он должен быть свободен». Напротив, если человек создан автономным, нельзя сказать: «Его нужно заставить». Рассматривая два этих подхода к свободе, невозможно говорить о принудительных и моральных приказах. Если посредством философского дискурса доказано, что человек создан для принуждения, мы уже не можем воспевать лозунг об освобождении человека [применительно к бытийной сфере]. Если человек самим фактом своего сотворения уже принужден к чему-либо, нравится ему это или нет, тогда свобода человека недостижима и абсурдна. Плоскость «бытие и не-бытие» отличается от сферы «должное – не-должное».

Поэтому если кто-то применяет значение слова «свобода» в его сотворенном аспекте к сфере долженствования, он допускает ошибку в трактовке общего понятия, на что мы уже указали. Если мы доказали, что человек сотворен свободным, кто-то может вывести из этого понятие правовой и моральной свободы, говоря: «Итак, он должен быть свободен», или что «хорошо, если он будет свободен». Открыть и обосновать внешнюю данность – это один вопрос, а рассуждать о «хорошем и плохом», «должном и недопустимом» - это совсем другое дело. Не стоит, однако, смешивать две эти сферы.

3. Свобода как «отсутствие привязанности»

Третье понимание свободы воплощено в концепции, довольно распространенной в сфере этики и мистицизма. В своем известном стихотворении Хафиз[7] указывает на нее:

«Я слуга всякого, кто в поднебесье свободен от любого оттенка привязанностей»

В этом смысле свобода мыслится противоположной «принадлежности-к-чему-либо» и «привязанности». Так, иногда сердце человека привязано к некоторым вещам, которые ему нравятся, а в иные моменты в нем нет привязанности ни к чему, оно свободно от любой сопричастности чему бы то ни было. Конечно, похвально, когда в сердце человека нет любви к этому миру, к материальным вещам, к мирским и не-божественным удовольствиям – [имеется в виду именно это], а не то, что в его сердце не должно быть любви и привязанности к кому бы то ни было, включая Аллаха, Пророка (ДБАР), авлия (святых) и т.д.

Одно из более точных мистических значений [понятия] «отсутствия привязанности» заключается в том, что человек, стремящийся к вершинам монотеизма, достигает стоянки, на которой в его сердце отсутствует любовь к чему-либо или кому-либо, кроме Божественной Святой Сущности. В этом состоянии, даже если он полюбит другого человека или вещь, эта любовь для него подчинена любви к Аллаху и обусловлена ею, осененной Божественной Красотой. С точки зрения исламских наук, одна из высочайших стоянок человеческого совершенства является любовь и привязанность к Аллаху:

«Но те, которые уверовали, любят Аллаха сильнее» (Сура «Аль-Бакара», 2:165).

В ду‘а Кумейл[8] мы читаем:

«Сделай... мое сердце старающимся, для Твоей любви!»

Эта тема также затрагивается во множестве молитв и преданий, и наивысшей стоянкой, которой может достигнуть человек – это состояние, когда любовь к Аллаху объемлет все его существо от головы до ног, и когда все его сердце приходит в восторженный трепет от любви к Нему, так, что в нем уже не может быть ни одного уголка для любви к кому-либо еще.

Такое понимание свободы представляет собой иную ее концепцию, свобода означает «эмансипацию» и освобождение от привязанности к чему-либо или кому-либо, кроме Аллаха. Опять-таки, очевидно, что такое понимание в корне отличается от двух взглядов на свободу, упомянутых ранее. Эти две концепции имеют отношение к области реальности и «существования или не-существования», в то время как это понимание относится к сфере ценностей и долженствования. Так, в данном случае мы говорим, что для человека «хорошо» быть свободным от любви к чему-либо или кому-либо, кроме Аллаха, и если он хочет достигнуть большего совершенства, он «должен» быть свободным и избавиться от любви к чему-либо или кому-либо, кроме Аллаха.

Если мы воплотим это понимание свободы в реальность, абсолютная свобода окажется нежелательной. Ведь то, что человеку следует освободиться от любви к чему-либо или

кому-либо, кроме Всевышнего Аллаха, противоречит моральным ценностям. Здесь также существует возможность ошибки и неправильного истолкования. Каждый фальшиво рассуждал бы о свободе в том смысле, что человек должен быть свободен от закрепощения и всяческих пут, а затем говорил бы, что, таким образом, человек не должен быть скован и любовью к Аллаху, и ему нужно полностью эмансипироваться [от всего] и стать абсолютно свободным. Чтобы прояснить суть этого утверждения, он процитирует все то же стихотворение Хафиза:

«Я слуга всякого, кто в поднебесье свободен от любого оттенка привязанностей»

Между тем, это очевидный обман и фальсификация. Когда это Хафиз утверждал, что он «раб любви к тому, кто, будучи бесчувственным человеком с сердцем хладным, не питает в своем сердце любви ни к кому?» Хафиз отвергает любовь и привязанность к иному, нежели Аллах. Его мысль заключается в отрицании привязанности к материальному и мирскому, и что человек должен обрести привязанность к Тому, Кто истинно Достоин этой любви, точно так же как к кому-либо, кто является воплощением всех добродетелей, и что любая красота и совершенство, которые присутствуют в этом мире, являются отражением Его Красоты. Это все же иное понимание свободы, которое распространено в сфере этики и мистицизма.

4. Свобода от «рабства»

Четвертое понимание свободы имеет социальный аспект и означает свободу от рабства. В прошлом некоторые человеческие создания имели обыкновение забирать себе других людей в рабство, принуждая их работать, покупая и продавая их. Некоторые же люди были свободными и не были ничьими рабами. Эта интерпретация свободы также кардинально отличается от трех видов ее понимания, о которых мы говорили до этого, и обладает своими специфически закономерными особенностями.

Помимо этих четырех, существует также множество трактовок свободы, от упоминания которых мы сейчас воздержимся. Вместо этого мы сделаем «рабочим» то понимание свободы, которое имеет отношение к праву и политике, и сфокусируем на нем свое внимание в ходе настоящей беседы. Целью упоминания тех трактовок свободы заключалась в том, чтобы обратить внимание на тот факт, что свобода может пониматься по-разному, и у каждой ее трактовки – свои специфические черты, и то, что понимается под свободой в одной сфере, не должно ошибочно переноситься на ее

трактовку в том, что касается иных областей.

5. Свобода с точки зрения правового и политического дискурса:

господство над чьей-то судьбой

Одна из ведущих трактовок свободы, продвигаемой в сфере права и политики, – это понимание свободы как «господства над чьей-либо судьбой». Согласно данной интерпретации, человек свободен в том смысле, что никто не обладает суверенитетом над ним, и он сам определяет, каков будет уклад, сущность и образ своей жизни. Естественно, напротив, человек, находящийся в подчинении у других людей, получает от последних распоряжения делать или не делать что-либо, и не может действовать по собственному усмотрению, не является свободным.

Так, свобода в правовой и политической сфере в современном мире означает отрицание прав других обладать властью над людьми, даже если это Аллах, Пророк (ДБАР), Повелитель Правоверных[9] или Имам нашего Времени[10] (мир им). С точки зрения такого подхода, только сам человек и его неотъемлемые права являются подлинной ценностью. Если человек добровольно делегирует это свое истинное право Аллаху, Пророку (ДБАР) или кому-либо еще, они приобретут такое право, в противном случае, у них не будет прав. Суммируя сказанное, выражение «человек свободен» означает, что никто, ни одно существо не имеет права попираť права человека самому распоряжаться своей судьбой и определять свои обязанности в собственной жизни и поведении. Вмешиваясь в дела и жизнь людей, правящий законовед (вали-е факих), Непорочные Имамы (мир им) и Пророк (ДБАР), у каждого из которых – свой статус, и даже Сам Аллах «должны подождать», пока кто-то не «даст добро» на их вмешательство в жизнь конкретного человека, в ином случае же они будут «не в праве» издавать вердикты и приказывать что-либо людям, а даже если они (мир им) это делают, это «не имеет никакой ценности», а люди не обязаны следовать тому, что они (мир им) дозволили или запретили.

Мы проанализируем это понимание свободы в наших будущих беседах. Мы ясно изложим точку зрения Ислама по поводу этого вопроса.

[1] Персидское слово «шир» может иметь три значения: «лев», «кран» и «молоко».

[2] Он обращается к Мавлави Джалал ад-дину ар-Руми (1207-1273), великому персидскому поэту-мистика и основателю ордена дервишей Мавлавийа (орден «вращающихся дервишей»). Он знаменит своей дирикой и дидактическим эпосом «Маснави-е Ма 'нави» («Духовные куплеты»).

[3] В последних двух строфах поэмы, учитывая, что в фарси отсутствует окончание «ра», обычно встречающееся в поэмах, в обоих случаях, идет ли речь о молоке (шир) или о человеке (инсан), и не понятна, какая строчка означает «Лев (шир), который пожирает человека», а какая – «Молоко (шир), которое пьет человек».

[4] В данном случае речь идет об атеистах (прим. пер.)

[5] Адепты подобных воззрений известны как деисты (прим. пер.)

[6] Для получения более развернутой информации об аш'аритах и других школах исламского схоластического богословия, см. книгу Муртазы Мутаххари «Введение в 'илм аль-калам»// "An introduction to 'Ilm al-Kalam", пер. Али Кули Кара'и, "At-Tawhid Journal", том 2, № 2 (раби' ас-сани 1405/январь 1985), доступную по ссылке <http://www.al-islam.org/at-tawhid/kalam.html>

[7] Эти строки принадлежат Хваджаху Шамсуддину Мухаммаду Хафизу Ширази (1325-1391), персидскому поэту 14 века, сочинителю любовной лирики и панегириков, которого традиционно считают непревзойденным мастером газели.

[8] Ду'а Кумейл (молитва Кумейла) – это мольба, которой Имам Али (мир ему) научил одного из своих преданных сподвижников и твердых защитников Ислама, Кумейла ибн Зийада. Обычно она читается в каждую ночь с четверга на пятницу (лайлат аль-джум'а) в индивидуальной или коллективной форме после вечерней молитвы 'иша, эта молитва включает себя обзор учения о Божественном и твердые основания религии и способствует тому, чтобы каждый человек следовал Прямому Пути и стал достойным мусульманином.

[9] Повелитель Правоверных – Али ибн Аби Талиб, двоюродный брат и приемный сын Пророка (ДБАР), первый из Двенадцати Имамов (мир им) после Пророка (ДБАР). Он был правителем мусульман с 35/656 г. вплоть до собственной мученической гибели в 40/661 г.

[10] Здесь говорится об Имаме Мухаммаде ибн Хасане аль-Махди (мир ему), Двенадцатом и последнем Имаме Святого Рода Пророка (ДБАР), который в настоящее время находится в Большом сокрытии и появится в назначенный день в будущем с тем, чтобы наполнить мир истиной, справедливостью и верой после того, как он был исполнен лжи, несправедливости и неверия.

Перевод: Фатима Ежова

Специально для Imamat-News